

Страдания и величие Бельгии.

Недавно я имел случай беседовать с одним лицом, находящимся сейчас в Варшаву, которое по своему служебному положению располагает вполне достоверными и наиболее свежими сведениями о Бельгии. Мой собеседник не только охотно изложил передо мной взгляды на ход событий в маленькой героической стране, но и любезно предоставил в мое распоряжение ряд официальных документов, как-то: допущение различных комиссий бельгийским министерством юстиции и иностранным делом, сведения, опубликованные бельгийским правительством своим заграничным корреспондентам, комплименты газеты «Le Courrier de l'Armée», издаваемой бельгийским генеральным штабом для солдат, и т. п. Полагаю, что читателям будет небезынтересно ознакомиться как с этими официальными данными, так и с суждениями лица, в высокой степени компетентного в делах несчастного королевства. Страдания и величие Бельгии приковали к себе взоры всего мира, и все, даже второстепенные факты из истории ее благородной борьбы с врагом, вселяют в нас больше или меньше заслуживают внимания.

I.

Вы, конечно, хорошо помните, — сказал мой собеседник, — обстоятельства, при которых возникла война Германии с Бельгией, но, может быть, не вдумались в одну подробность, которую стоит отметить. Германский ультиматум, предъявленный Бельгии в 7 час. вечера и дававший для ответа только 12 часов, — т. е. почное время до 7-ми час. утра, — требовал одного: позволения провести немецкую войска через бельгийскую территорию. В случае согласия Бельгии Германия обязывалась возместить ей убытки, которые будут причинены переходом войск; в случае отказа возлагала всю ответственность за то, что может произойти, на самую Бельгию. Тотчас состоялось экстренное заседание совета министров под председательством

короля, которое длилось всю ночь и на котором были выработаны и формулированы ответы Германии. Ответ, как известно, был отрицательный; да другого Бельгия и не имела права дать, так как при самом своем образовании обязалась перед державами сохранять постоянный, вечный нейтралитет. Явно нарушить это обязательство в пользу Германии значило бы нарушить, так сказать, данное честное слово. Чего же можно было ожидать как следствия отказа? Только того, что Германия попытается без согласия Бельгии силой провести свои войска через ее территорию. Вместо того Германия немедленно объявила войну Бельгии. Разница между этими двумя следствиями, разумеется, огромная. В первом случае опасность угрожала только некоторым провинциям Бельгии, через которые должны были пройти немцы, и опасность временная, — в течение этого прохода или, самое большее, в течение всей войны между Германией и Францией. Во втором случае Германия предъявляла притязания на все королевство и притом на вечные времена, так как победитель может диктовать любые условия мира победленному, может просто захватить всю его страну. Это последнее и оказалось делом немецких вождей, обдуманной, как это теперь устанавливается рядом фактов, заранее. Объявив войну, Германия действительно приступила к формальному завоеванию Бельгии.

— Ведем памятно также, — продолжал мой собеседник, — героическое сопротивление, оказанное бельгийцами немцам, которое дало возможность Франции и Англии подготовиться в борьбе. Но будущий историк войны извлечет из архивов, мемуаров и частных переписки еще много примечательных исключительной доблести, до сих пор не ставших общим достоянием. Я приведу один такой факт, достоверность которого мне хорошо известна. Когда выяснилось, что Антверпен должен будет уступить силе, бельгийское правительство вместе с королевем сочло необходимым покинуть крепость. Было неблагоразумно возлагать на армию лишнюю тяжесть: охранять членов правительства и еще неблагоразумно — рисковать тем, что все они могут попасть в плен, причем страна осталась бы без законной власти. Это решение было принято почти в последнюю минуту, ко-

гда выехать из города было уже затруднительно, — во всяком случае настолько поздно, что выбирать дорогу не приходилось. Надо было ехать единственным свободным путем, вдоль голландской границы, на Брюгге; но и эта дорога не была безопасна, так как немцы вели на нее настойчивое наступление. Чтобы дать возможность королю достигнуть Остенде, группа бельгийских офицеров из числа сопровождавших его решилась пожертвовать собой и задержать врагов около одного замка по пути. Этот замок, впрочем, — престо бывший усадьба, стоял на самой границе с Голландией. Засев в нем, храбрецы в течение целых суток сдерживали натиск неприятеля, раз в 200 большого по числу. С поразительной неутомимостью офицеры стреляли из оков, с баллонов, с чердаков, и заставили немцев думать, что в замок укрывалась значительная армейская часть, которую опасно оставить у себя в тылу. Против замка было поведено правильное штурм. Бельгийцы могли спасти свою жизнь. Стоило только перебраться сад, примыкающий к замку сзади, и перебраться через ограду: за ней находилась уже голландская территория. Никто однако и не подумал поступить так. Все держалось так долго, как только было мыслимо, и все до одного были перебиты при штурме. Но цель была достигнута: немцы задержаны, и король Альберт успел проехать в Остенде.

Я спросил, какой бой на территории Бельгии считает мой собеседник наиболее замечательным.

— Разумеется, битвы на Изер, — ответил он. — Можно даже сказать, не забывая и титанических боев в Польше, что битвы на Изер — самое поразительное сражение во всемирной истории. Район, ограниченный Изером и французской границей, — тот крохотный уголок земли, оставался и остается до сих пор центром последним оплотом бельгийской независимости. Бельгийцы напрягали все силы, чтобы сохранить за собой хотя бы клочок самостоятельной, автономной территории: это был вопрос чести. Союзники столь же упорно обороняли позиции на Изер, потому что с прорывом их немцы получали возможность зайти в тыл англо-французской армии, совершить свой излюбленный «обход». Бой по-этому отличался адски пре-

дельным ожесточением. Со стороны немцев были представители всех германских государств: пруссаки, баварцы, гессенцы, вюртембергцы, саксонцы... Со стороны союзников: бельгийцы, французы, англичане, шотландцы, индусы, тюрксы, зуавы, арабы... Бой шел и на земле, и под землей, в траншеях, и на море, так как английские суда обстреливали немцев, и под водой, где шныряли немецкие подводные лодки, и на воздухе, где рвались дирижабли и аэронавы... Ничего подобного не выдано было еще той войны, как земля стоит. Кончился бой победой союзников: немцы отступили.

Я заинтересовался, как велика численность бельгийской армии.

— В начале войны армия не превышала 180,000 человек, не считая так и зываемой garde civique. Эта по нашим временам «горсть» людей имела против себя миллионы германских штыков, так как союзники вначале не могли оказать Бельгии никакой поддержки. От потерь в боях, от выбытия из строя гарнизонов тех крепостей, которые были взяты немцами, армия значительно уменьшилась. На Изер пришло не более половины ее первоначального состава. Однако она постоянно пополняется добровольцами, прибывающими из всех стран света, особенно из Канады и Соединенных Штатов, где живет много бельгийцев. Население самой Бельгии лишено возможности вступить в ряды своей армии. Вместе с тем во Франции обучается теперь контингент бельгийских новобранцев срока 1915 г., которые успели во время явиться на призыв под родным знаменем. К 15-му января король Альберт вновь будет располагать армией свыше, чем в 100,000 человек.

— Вы видите, как и мы все, в конечном торжестве союзников?

— Я не могу не верить в это, — ответил мой собеседник, — уже потому, что в это верить король.

Почти с благоговием он обернулся к портрету короля Альберта, висевшему в той комнате, где мы беседовали, и продолжал:

— Этот человек, которого многие считали сперва робким, являл себя истинным героем. Взоры всех бельгийцев прикованы теперь к нему, и все раздвигают его уверенность в окончательной победе. В Германии при всех ее, хотя бы только кажущихся успехах, все настойчивее раз-

даются голоса в пользу мира, даже заключенного ценой разных уступок. В Бельгии, при всем ужасе ее положения, никто, — я имю основание так говорить, — не хочет слышать о мире раньше полного торжества над врагом. Бельгийцы голодают, сносят всякого рода унижения и страдания, но ни один не произнесет ни слова ропота против короля, исполнившего долг честного человека и рвущего мужественно бороться до конца.

(Окончание следует).

Валерий Брюсов.

(Варшава).

Немецкая фантазия о набеге Цепелинов.

Немецкие писатели-имитаристы всегда были убеждены, что в случае конфликта с Англией огромную роль должны сыграть аэронавы и цепелины. Еще задолго до мировой войны они развивали на разные лады ту мысль, что Германия следовало бы обратить особое внимание на увеличение и усовершенствование воздушного флота, лучшего залогом победы над Англией. Один писатель обратился даже непосредственно к Вильгельму II со специальной книжкой на эту тему.

«Опыт учить нас», — говорит другой представитель воинственного империализма, А. Вирт (в брошюре «Unsere auswärtige Politik»), — что самым успешным оружием против врага является всегда то, которое ему меньше всего привычно. Свои самые блестящие победы полководцы обычно одерживали, когда не принимали предложенного неприятелем боя, а нападали на него с совершенно для него неожиданной стороны. Так и мы могли бы действовать против англичан особенно успешно не броненосцами, а аэронавами и цепелинами, так как Англия в этой области отстала...

Изображая войну Англии и Германии, немецкие писатели видят впрочем в авиации скорее вспомогательное средство, которое позволит немецкому флоту tenir tête могущественной английской эскадре. Так представлено дело, напр., в повести Мидельдорфа «Am Bord des Tirins», являющейся чем-то в роде апофеоза успехов Германии в области авиации. Описав довольно яркими